

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Факультет гуманитарных наук
Научно-учебная лаборатория медиевистических исследований

Средневековая Европа

ВОСТОК И ЗАПАД

Ответственный редактор
М.А. Бойцов

Издательский дом Высшей школы экономики
Москва 2015

УДК 94.4
ББК 63.3(4)4
С75

Данная научная работа является одним из результатов осуществления проекта «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

Авторский коллектив:

М.А. Бойцов, А.Ю. Виноградов, О.С. Воскобойников, М.В. Дмитриев,
А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский, А.В. Шарова

Техническая работа: М.А. Александрова

Средневековая Европа: Восток и Запад [Текст] / М. А. Бойцов, А. Ю. Виноградов, О. С. Воскобойников и др. ; отв. ред. М. А. Бойцов ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. — 415, [1] с. — Список сокр.: с. 413. — Список ил.: с. 414. — 300 экз. — ISBN 978-5-7598-1229-6 (в пер.).

Коллективный научный труд «Средневековая Европа: Восток и Запад» открывает серию публикаций Лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ, посвященных вечной и вместе с тем неисчерпаемой теме отечественной медиевистики: взаимоотношениям латинского Запада европейского субконтинента и православного (а отчасти и мусульманского) Востока. Из бесконечного разнообразия возможных сюжетов для данного издания отобраны лишь до сих пор глубоко не изученные. Во-первых, разбираются брачные стратегии и стратегии имянаречения в среде правящей элиты разных обществ Северной и Восточной Европы — от Скандинавии до Грузии. Во-вторых, прослеживается циркуляция текстов и идей в средиземноморском регионе на примере распространения подлинных и мнимых сочинений Аристотеля. В-третьих, проводится сопоставление моделей отношения к иноверам, выработанных на латинском Западе и на православном Востоке. В-четвертых, анализируются посольские церемонии (и их описания заинтересованными свидетелями) при встрече представителей Востока и Запада в 1576 г. И наконец, в заключение показывается, как классическая российская медиевистика XIX–XX вв. сама складывалась в ходе осмысления вопроса именно об историческом соотношении Востока и Запада Европы.

Для историков, филологов, религиоведов и политологов.

УДК 94.4
ББК 63.3(4)4

ISBN 978-5-7598-1229-6

© Национальный исследовательский университет
Высшей школы экономики,
факультет гуманитарных наук,
Научно-учебная лаборатория
медиевистических исследований, 2015
© Оформление. Издательский дом
Высшей школы экономики, 2015

Содержание

Михаил Бойцов. Вводные замечания 5

I. БРАКИ И ИМЕНА

Анна Литвина, Фёдор Успенский
Брак и власть между Западом и Востоком:
матримониальный портрет
династии Рюриковичей 11

Андрей Виноградов
Стратегия имянаречения
у восточнохристианских правителей VII–XIII вв.
в сравнительной перспективе
(Багратиды, Комнины, Рюриковичи): an approach 122

II. ИДЕИ И ТЕКСТЫ

Олег Воскобойников
Судьба человека.
Средневековые путешествия Аристотеля
между Востоком и Западом 173

III. СВОИ И ИНОВЕРЦЫ

Михаил Дмитриев
Московская Русь перед лицом «иноверия»:
восточнохристианская модель
религиозного плюрализма? 233

IV. ПОСЛЫ И ГОСУДАРИ

Михаил Бойцов
Различные взгляды на посольство Ивана IV
к императору Максимилиану II в 1576 г. 327

V. ИСТОРИЯ И ИСТОРИКИ

Антонина Шарова

Всеобщая история

в общественно-политической жизни

России начала XX в. 367

Список сокращений 413

Список иллюстраций 414

Авторский коллектив..... 415

Михаил Бойцов

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Лаборатория медиевистических исследований появилась в Высшей школе экономики в феврале 2012 г. Сначала она представляла собой слабо формализованную группу исследователей средневекового прошлого, но спустя год получила официальный статус и собственное место в структуре факультета истории. При том что постоянно работающих сотрудников в нашей лаборатории совсем немного, за прошедшее время ей удалось превратиться во вполне заметный центр академического изучения, преподавания и популяризации истории Средневековья. Разнообразная деятельность лаборатории хорошо отражена на сайте www.medieval.hse.ru, поэтому здесь нет необходимости ее подробно представлять.

Важно, однако, подчеркнуть, что главный общий исследовательский проект у нас один: «Восток и Запад Европы в Средние века и раннее Новое время: общее историко-культурное пространство, региональное своеобразие и динамика взаимодействия». Мы убеждены в том, что как тема взаимоотношений католической и православной частей средневековой Европы, так и вопрос о сопоставлении путей их исторического развития с самого начала были центральными для отечественной медиевистики и, судя по всему, надолго, если не навсегда, таковыми для нее и останутся. Разумеется, далеко не каждый крупный российский историк западного Средневековья в своих исследованиях прямо рассуждал о России и латинской Европе. Более того, найти таковых непросто. Однако как уже сам выбор ими исследовательских сюжетов, так и вопросы, задававшиеся ими своему материалу, делавшиеся ими наблюдения и выводы свидетельствуют вполне определенно, что отечественные медиевисты руководствовались в своих поисках отнюдь не антикварным интересом. Для российских интеллектуалов — не только

историков — вопрос о взаимоотношениях России и Западной Европы всегда был в числе вечных, «проклятых», требующих немедленного разрешения, но при этом не разрешимых окончательно никогда.

Таковым он остается и сегодня — как у нас, так, в немалой степени, и у наших западных коллег и друзей. Причина непреходящей актуальности одной и той же фигуры мысли состоит в том, что те или иные интерпретации именно средневековой истории предоставляют как конкретный материал, так и теоретическую аргументацию для конструирования современных (XIX–XXI вв.) европейских идентичностей и политических сообществ. Как идея непреодолимого различия культур, возникших на фундаментах католичества и православия, так и противоположная идея их глубинной близости в равной степени основываются на интерпретациях единого средневекового прошлого нашей общей Европы, но ведут к различным выводам в настоящем. То же относится к идеям исключительной национальной самобытности, с одной стороны, или же, напротив, общеевропейской интеграции — с другой.

Наш проект сугубо академического свойства, и его осуществление не имеет отношения к каким бы то ни было идеологическим установкам или публицистическим задачам. У самих членов лаборатории, несомненно, разные взгляды на прошлое, настоящее и будущее как всей Европы, так и отдельных ее частей, что не мешает нам успешно работать вместе. Пожалуй, все мы исходим все-таки из того, что стремимся к выявлению общеевропейского измерения средневекового прошлого (а значит, и существующих сегодня европейских культур) при ясной оценке роли, сыгранной многообразием конкретных культурных и политических сочетаний в складывании столь разнохарактерного, но вместе с тем и столь узнаваемого общего исторического пространства нашей Европы. Так поставленная исследовательская задача, чтобы не остаться сугубо философско-спекулятивной, должна реализовываться в серии конкретно-исторических исследований, посвященных относительно «частным» вопросам.

Результаты разысканий, проводившихся в основном на протяжении 2012 г., мы представляем в нашей первой коллективной монографии. Сюжеты для них мы сознательно выбирали различные, методы применяли также всякий раз свои, но общая идея, обозначенная несколькими строками выше, проходит красной нитью через все разделы. Если обстоятельства будут благоприятствовать, мы продолжим публиковать исследования о Западе и Востоке Европы и далее.

I. БРАКИ И ИМЕНА

Анна Литвина, Фёдор Успенский

БРАК И ВЛАСТЬ МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ: МАТРИМОНИАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ДИНАСТИИ РЮРИКОВИЧЕЙ

Вводные замечания

Сегодня, говоря о браках средневековых правителей, мы воспринимаем их прежде всего как некий вспомогательный инструмент, очень важное, но все же сугубо прикладное и служебное средство осуществления внутренней или внешней политики династии. Между тем для самих династов, а тем более в глазах составителей хроник и летописей и их аудитории, акценты, по-видимому, были расставлены несколько иначе. В определенном смысле брак и возникавшие благодаря ему связи и были политикой, вместе с узами кровного родства они формировали «правовое поле» владения землей и властных претензий, позволяли осваивать новое географическое и культурное пространство, воплощали в себе состояние мира или переход к военным действиям — словом, формировали ту напряженную и динамичную сетку притяжений и отталкиваний, в которой от рождения до смерти протекала жизнь средневекового государя. За прагматическими требованиями текущей политики зачастую просматриваются куда более глубинные представления о том, что легитимно и нелегитимно в жизни правящего рода. Любопытно, например, что некоторые из легенд о первых правителях и их наследниках неизменно пребывают в состоянии взаимодействия и неустойчивого культурного равновесия с практическими нуждами династии, обуславливая, в частности, различия матримониальной стратегии у живущих рядом христианских народов.

Очевидно, что династический уклад Рюриковичей в домонгольскую эпоху по многим признакам чрезвычайно схож с укладом правящих родов других стран средневековой Европы. Но при всем множестве близких структурообразующих элементов семейный обиход русских князей и система власти, сложившаяся на Руси, оказываются вполне индивидуальны и уникальны. Чем же Рюриковичи домонгольского времени похожи на среднестатистический европейский правящий дом, а чем от него отличаются в приемах освоения реальности с помощью браков?

Как легко убедиться, обращаясь, например, к истории правящих родов Бургундии IX–XII вв., желательным брачным партнером оказывалось лицо, равное по знатности (в случае Бургундии оптимальными кандидатами на эту роль считались потомки Карла Великого), способное оказать военную поддержку и не в последнюю очередь — способствующее увеличению, немедленно или в следующем поколении, родовых земельных владений¹. Таким параметрам чаще всего отвечали ближайшие соседи и при этом отдаленные родственники. Однако эти простые и вполне целесообразные прагматические установки очень быстро наталкивались на определенные препятствия.

Первым из таких препятствий следует назвать, разумеется, церковные ограничения на близкородственные браки (которые могли в ту пору исчисляться двумя способами: по римскому или по так называемому германскому счету)². Заключив однажды матримониальный союз с отдаленными родственниками-

¹ См., например: *Bouchard C.B. Consanguinity and Noble Marriages in the Tenth and Eleventh Centuries // Speculum. 1981. Vol. 56. No. 2. P. 268–287.*

² Как в римском, так и в германском счете запретными оказывались по крайней мере шесть первых степеней кровного родства, но при германском способе исчисления под эти запретные степени подпадал куда более широкий круг родичей. Однако вопрос о том, насколько часто в интересующую нас эпоху при заключении династических матримониальных союзов привлекалась именно германская система генеалогических исчислений, остается открытым. Есть основания полагать во всяком случае, что зачастую в браках европейских династий использовался более льготный римский счет, который использовали в Византии и на Руси.

соседями, правящий род на несколько поколений лишился возможности еще раз обратиться к этому же источнику для улаживания конфликта или расширения земельных владений.

Очень скоро в родстве между собой оказывались практически все знатные соседи, и простой прием — поженить сына и дочь равной знатности и объединить земли — более не срабатывал. Приходилось или идти на нарушение канона, или изобретать какие-то нетривиальные ходы для установления родства, союза и преемничества с желательными партнерами. Какие же приемы, характерные для западных коллег, использовали князья Рюриковичи в сходных обстоятельствах?

Русские князья домонгольской поры относительно строго выдерживали церковный запрет на близкородственные браки. Характерным образом до последних десятилетий XI в. Рюриковичи просто не женятся друг на друге, т.е. не заключают внутридинастических матримониальных союзов. Это время молодости династии, когда каждого из князей отделяет еще не так много поколений от Владимира Святого, единственного из потомков Рюрика, которому удалось оставить располагавших властью наследников. В результате мы имеем целый ряд матримониальных союзов, так сказать, разной степени удаленности — с венгерским, польским, норвежским и французским правящими домами, причем с каждой ступенью удаленности сиюминутные практические и политические выгоды от такого союза становятся все более эфемерными. Правда, налицо соблюдение принципа равной или даже повышающейся знатности, но о том, насколько он был актуален для русских князей домонгольской поры, нам еще предстоит упомянуть ниже.

Можно допустить, что, пока речь идет о поколении сыновей Ярослава Мудрого, во внутридинастических браках не так уж часто возникает необходимость — Ярославичи и без того приходятся друг другу родными братьями, и надежды умирить свои раздоры с помощью каких-то дополнительных отношений свойства у них не было. Однако существовала еще полоцкая, обособленная ветвь потомков Владимира Святого. Едва ли можно признать случайностью, что первый, самый ранний

внутридинастический брак между двумя представителями рода Рюриковичей заключается между полоцким по происхождению князем Глебом Всеславичем и дочерью Ярополка Изяславича, правнучкой Ярослава Мудрого, и происходит это, видимо, в конце 1080-х годов (рис. 1).

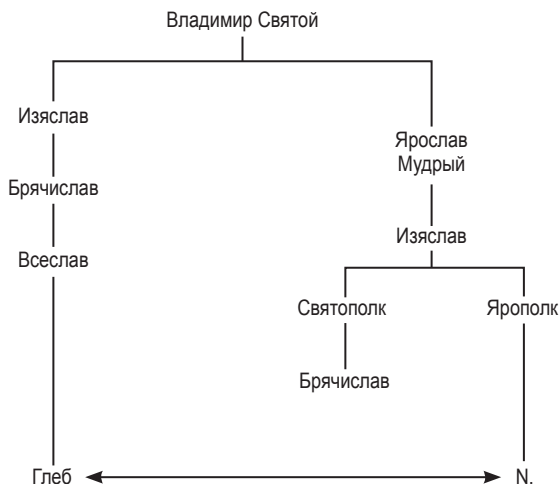

Рис. 1. Первый внутридинастический брак

По-видимому, еще ранее была предпринята попытка заключить брак между отпрысками Изяслава Ярославича и его постоянного противника, Всеслава Брячиславича, однако этот замысел не был доведен до конца, поскольку Изяслав поспешно бежал из Киева³. Иначе говоря, как только внутри правящего рода появлялась канонически допустимая пара, эта возможность брака сразу же реализовывалась, появившаяся в системе ячейка мгновенно заполнялась.

В последней трети XI столетия род Рюриковичей разросся, конфликты участились, а одним из немногих надежных средств

³ См. подробнее: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. К уточнению семантики древнерусского «свататися» / «сватитися» и «сват(ь)ство» (историко-филологический этюд) // Die Welt der Slaven. 2013. Jg. 58. Heft 2. S. 308–325.

их погашения в средневековом мире являлось обновление родства с помощью брака, что далеко не всегда еще было возможно из-за строгости канонических норм. Тогда-то Рюриковичи охотно прибегали к инструменту, успевшему стать традиционным для западноевропейской династической традиции: между князьями заключалось духовное родство, они становились воспреемниками детей недавних конкурентов. Яркий пример такого рода — взаимоотношения Владимира Мономаха и Олега Святославича. В определенный период они все время сталкивались в военном противостоянии. Тем не менее Олег, что достоверно известно из переписки, стал крестным отцом двух старших сыновей Мономаха, Мстислава и Изяслава. Очень непросто установить, когда именно он успел это сделать, но очевидно, что факты крестин приурочены к кратким периодам перемирия между отцами, крестным и биологическим. Владимир пытается обеспечить поколению своих наследников дружбу Олега и его детей, причем духовное родство в данном случае оказывается единственным средством сближения, потому что даже когда многочисленные дочери и сыновья Мономаха подросли, брак между ними и кем-либо из Олегова потомства был невозможен с канонической точки зрения, поскольку они — троюродные братья и сестры.

На первый взгляд может показаться, что в данном случае дважды заключенное духовное родство не дало желаемого эффекта, что, впрочем, нередко случалось с подобными мерами во всем средневековом мире. Олег даже стал виновником гибели одного из своих крестников, Изяслава. В то же время это духовное родство никогда не сбрасывалось со счетов и всякий раз становилось аргументом и начальной точкой для очередного примирения князей, как это впоследствии бывало между сватами — главами двух семей, поженившими своих детей. Вообще говоря, на Руси родство по браку и духовное родство формировало очень интересный культурный механизм, который скорее гарантировал в будущем не отсутствие конфликтов, а постоянно сохранявшуюся возможность их урегулирования.

XII столетие (особенно вторая его половина) — эпоха торжества внутрдинастических матримониальных союзов у Рюриковичей. Род стремительно разрастался, и открывалось множество новых возможностей заключать браки, не нарушая канонических установлений. Очевидно, что таким образом соблюдались и принцип равной знатности, и принцип актуального военно-политического союзничества. Тем не менее эти новые возможности были далеко не безграничны, и расходовать их требовалось максимально эффективно. Характерно, однако, что на русской почве никогда не прививался западный обычай выбора духовной карьеры для младших сыновей правителя, как неактуален был в полной мере и привычный комплекс сюжетов, связанный с концептом примогенитуры. Удивительно, но мы знаем крайне мало примеров из поздней домонгольской эпохи пострижения в монахи княжеских дочерей прежде, чем они успели побывать замужем. Какие-то элементы такой практики можно наблюдать скорее на рубеже XI и XII вв. или в начале XII столетия (достаточно вспомнить сестру Владимира Мономаха Янку или Ефросинью Полоцкую и постриженных ею родственниц), впоследствии же этот обычай явно пошел на убыль. К концу XII в. княжны стали весьма ценной разменной монетой в матримониальной политической стратегии своих отцов.

Очевидно, что духовная карьера, избираемая для части наследников, не только была призвана обеспечить цельность земельного имущества, но и предоставляла оставшимся оптимальные брачные возможности: когда надо было женить старшего сына, а впоследствии — и старшего внука, брачным замыслом не мешало родство, которое уже установилось через многочисленных младших дядьев, теток и кузенов этого главного наследника. Пострижение в монахи изымало из брачных комбинаций все второстепенные и необязательные единицы. Тем не менее на Руси эта модель не работала — напротив, создается впечатление, что по неким неписаным правилам в браке должны были побывать все рожденные и дожившие до соответствующего возраста дети князя.

Не прослеживается здесь и характерная для некоторых западных традиций целенаправленная практика — выдавать дочерей за людей несколько менее знатных, сберегая тем самым возможность для сыновей вступить в брак с дочерью равного или превосходившего по знатности соседа. Правда, такого рода браки княжон иногда все же имели место: так, по-видимому, одна из дочерей Юрия Долгорукого была замужем за человеком не княжеского происхождения. Во всяком случае, в летописи отмечается⁴, что у Всеволода Большое Гнездо был сестричич, т.е. племянник, сын сестры, носивший вроде бы не вполне княжеское имя *Яков* и рожденный скорее всего не от князя, поскольку отец его вовсе нигде не назван по имени (что представляется почти невероятным, если он был Рюриковичем). Впрочем, подчеркнем еще раз, этот пример практически уникален для домонгольского времени.

Скорее существовала традиция, когда князь мог жениться на дочери человека, не принадлежавшего ни к какому правящему роду, т.е., условно говоря, на женщине менее знатной, чем он сам. Правда, вопрос о том, как было устроено понимание знатности на Руси в домонгольское время, не так прост и требует отдельного разыскания. Дело в том, что, когда князьям случалось жениться на своих подданных, они заметно чаще выбирали новгородок, чьи роды по «архаическому», восходившему к скандинавскому прошлому династии счету могли не уступать в древности и былой славе роду Рюриковичей. Так или иначе, княжеским могуществом эти новгородские семьи не располагали, и речь все же шла об определенном мезальянсе, но самый этот мезальянс дозволялся в русской династической традиции скорее мужчинам, нежели женщинам.

Система династических браков в эпоху Средневековья была очень сложна и все время рисковала зайти в тупик. При проведении генеалогических подсчетов русских внутридинастических браков создается ощущение, что вот-вот наступит момент, когда следующему Рюриковичу уже будет не на ком жениться,

⁴ ПСРЛ. Т. II. Стб. 658.

и трудности эти такого же рода, как и у западных правителей. Но, как мы убедились, Рюриковичи пользовались далеко не всеми проверенными средствами, которые как-то облегчали эту ситуацию в Европе. Какие же собственные приемы, не позволявшие «захлопнуться» ловушке противоречий между церковным канонам и династическими интересами, они эксплуатировали?

Одним из спасительных средств, помимо новгородских браков, были союзы с половчанками, как правило, очень выгодные в военно-политическом плане. Отношения со знатью столь близко соседствовавшего языческого мира постоянно оставались весьма динамичными и регулярно требовали обновления. Не вызывает сомнения, что и все участники такой матримониальной ситуации, и летописцы, благодаря которым мы знаем о них, придавали исключительно важное значение кровному родству с кочевниками, возникавшему у детей, рожденных в таких браках, и были далеки от безразличия к половецкой генеалогии. Напомним, например, о внимании в «Поучении...» Мономаха к родству и происхождению плененных половцев, один из которых, Аепа, стал сватом Владимира Мономаха, и о том, как летописец заботливо отличает этого Аепу, Осенева, от другого Аепы, сына Гиргеня, который отдал свою дочь за одного из Ольговичей. Таким образом, мы узнаем имя не только отца, но и деда половецкой невесты, что далеко не всегда указывалось даже для княжон Рюриковичей. И уж, по крайней мере если судить по летописным свидетельствам, происхождение отдельных половцев, как мужчин, так и женщин, интересовало древнерусских историографов едва ли не больше, чем генеалогия княжеских брачных партнеров из Польши, Венгрии, Германии, Скандинавии и даже Византии.

Какие же еще нетривиальные ходы, включавшие одних персонажей и исключавшие других из брачной системы, использовались Рюриковичами домонгольского времени? Кажется, здесь очень важна конкретная история запретов и ограничений, как сформулированных напрямую, так и долгие годы существовавших как нечто само собой разумеющееся и лишь иногда — частично или косвенно — прорывавшихся в доступные нам письменные тексты.

На брачную и семейную жизнь правителей в XI–XII столетиях накладывают отпечаток, во-первых, система канонических запретов (достаточно устойчивая и все же отнюдь не лишенная вариативности и способности к изменению), во-вторых, некие более чем подвижные местные представления о том, какие из церковных запретов и при каких обстоятельствах могут нарушаться, и, наконец, в-третьих, внутренние ограничения, напрямую не обусловленные конкретным церковным каноном и зачастую вообще не подвергавшиеся эксплицитной формулировке на письме.

По-видимому, со времени принятия христианства династия Рюриковичей в целом приняла тот набор ограничений, который налагался церковью на брачные отношения. Эти инновации, делавшие, например, недопустимыми браки с кровными родственниками до 6-й степени родства включительно, принимались династией, если можно так выразиться, легко и беспротестно — русские князья и княгини вплоть до середины XIII столетия никогда не вступали в брак с двоюродными братьями и сестрами, с двоюродными племянниками и племянницами, а с троюродными братьями и сестрами — чрезвычайно редко (об исключительных случаях подобного типа будет сказано ниже). Тем не менее мы можем утверждать, что на Руси складывается, так сказать, собственный извод брачной нормы — во всяком случае в том, что касается матримониальной жизни князей. И формируется этот извод, как мы полагаем, именно в результате взаимодействия канонического права и требований родового обихода, хотя на первый взгляд существование такого рода местных изводов для того, что, казалось бы, должно относительно жестко задаваться церковными правилами, само по себе неожиданно. Конкретные параметры этого «русского династического извода» мы попытаемся продемонстрировать ниже.

В данном исследовании мы стремимся привлечь весь доступный массив данных о браках Рюриковичей домонгольской поры, дифференцируя его по степени полноты и достоверности, и обращать особое внимание на анализ наиболее проблемных случаев в случаях, когда источники предоставляют нам такую возможность.

Кровное родство и брак: особенности нормы

Границы допустимого в Византии и на Руси

В качестве выразительной модели притягивания/непритягивания русскими князьями приходивших извне норм и установлений в области брачного права можно привести упоминавшийся выше запрет жениться на кровных родственниках относительно отдаленных (6-й и 7-й) степеней родства. В Византии браки между троюродными (родственниками в 6-й степени) были под запретом по крайней мере с середины VIII столетия — соответствующее указание мы обнаруживаем уже в «Эклоге»⁵; аналогичный запрет имеется и в позднейших законодательных сводах, в «Прохироне» и «Василиках»⁶. Более того, в интересующий нас период в Византии отвергалась и 7-я степень родства⁷, браки между родственниками в этой степени в свое время считал нежелательными еще патриарх Алексей Студит. Для нас весьма существенна правоприменительная модель, предложенная в этом патриаршем постановлении: если такой союз уже заключен, то супругов следует не разлучать, а лишь подвергнуть покаянию. Немаловажно также, что 7-я степень кровного родства характеризовалась здесь как «выпавшая» из прежнего законодательного обсуждения, безусловно запрещавшего браки между род-

⁵ «Запрещается же сочетаться браком тем <...>, кто считается состоящим друг с другом в кровном родстве, то есть родителям с детьми, братьям с сестрами и их детям, так называемым двоюродным братьям и их детям и только» (Эклога: Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М., 1965. С. 54. Титул 2, § 2. (Памятники средневековой истории народов Центр. и Вост. Европы); Византийская книга епарха / вступ. ст., пер., коммент. М.Я. Сюзюмова. Рязань, 2006.

⁶ См. подробнее о 6-й степени родства в византийском брачном праве: *Zhishman J. von. Das Eherecht der orientalischen Kirche.* Wien, 1864. S. 238–241.

⁷ О запрете таких браков см. подробнее: *Ibid.* S. 241–252.

ственниками в 6-й степени и столь же безусловно допускавшего союзы между родственниками в 8-й степени⁸.

Во второй половине XII в. возможность браков между лицами, состоявшими в 7-й степени кровного родства, в Константинополе оказалась предметом живейшего обсуждения, в которое были вовлечены не только церковные иерархи, но и светская власть. В частности, патриарх Лука Хрисоверг и Синод обращались по этому поводу к императору Мануилу Комнину. Результатом обсуждений стали появившиеся один за другим соборное постановление (11 апреля 1166 г.) и императорский декрет (18 мая 1166 г.), в которых подтверждалась недопустимость таких браков, однако императорский декрет, имевший силу окончательного решения, содержал элемент компромисса, поскольку объявленный в нем запрет не имел обратной силы — было позволено, не допуская подобных союзов впредь, признать не подлежащими немедленному расторжению уже заключенные браки. Как следует из текста императорского решения, это послабление было вызвано нежеланием нарушать интересы знатнейших фамилий, включая и правящий дом Комнинов, разводя супругов, вступивших в брак с личного согласия и одобрения императора.

Иначе говоря, византийская практика того времени недвусмысленно свидетельствует о своего рода уязвимости тех запретов, которые касались наиболее дальних из недопустимых

⁸ См.: Бенешевич В.Н. Древнеславянская Кормчая XIV титулов без толкований / подгот. к изд. и доп. Ю.К. Бегуновым, И.С. Чичуровым и Я.Н. Щаповым; под общ. рук. Я.Н. Щапова. Т. II. София, 1987. С. 190–191. Гл. XXXIV; *Zhishman J. von*. Op. cit. S. 243. Ср. также в связи с этим ответы митрополита Иоанна черноризцу Иакову (1080-е годы): «А ѿже . г̃. ѿе брата чада поймають, аще и внѣшний законъ повелѣваеъ, но и симъ дасться ѿпитемя, полезное церкви и вѣрнымъ. Иже со . в̃. ю брата чадою совокупаеъся, аще не послушають розно разитиса, въ свершеное ѿлучатьса осуженые» (РИБ. Т. VI. Стб. 12. 23). Таким образом, тот, кто вступает в брак с отпрыском троюродного брата (родство в 7-й степени), подлежит церковному покаянию, хотя союз этот не противоречит «внешнему» (светскому?) закону. Брак же с родственником в 5-й степени подлежит расторжению, а его участники — полному отлучению от церкви.

степеней родства, по крайней мере, если речь идет о браках высшей знати. Это не означает, разумеется, что византийская аристократия, император и его родственники, игнорировали запрет на союзы между кровными родственниками в 7-й степени, а тем более на браки между троюродными⁹. Тем не менее и после только что упомянутых постановлений подобные браки время от времени все же заключались, в том числе и по воле императора. Как выразился историк XIII в. Георгий Акрополит по поводу предполагавшегося брака между членами правящего рода, состоявшими друг с другом в 7-й степени родства, «...так делал и император Иоанн, и многие другие, так что это было делом

⁹ В нашем распоряжении есть весьма выразительный пример, демонстрирующий, что и в конце XII столетия по прямому настоянию императора мог быть заключен брак между представителями правящего дома, состоявшими в 6-й степени родства, однако такое действие ни в малой степени нельзя было назвать заурядным — оно требовало особой санкции светских и духовных институций, вызывало весьма неоднозначные оценки в Сенате и привело к прямому конфликту с патриархом Феодосием, закончившемуся его добровольным удалением с престола. Речь идет о достаточно скандальном браке, устроенном по инициативе императора Андроника Комнина. Андроник (который, кстати, прежде чем сделаться императором, некоторое время, как известно, провел на Руси, у галицкого князя Ярослава Владимировича Осмомысла, ср.: ПСРЛ. Т. II. Стб. 524) женил Алексея, внебрачного сына покойного императора Мануила, на собственной незаконнорожденной дочери Ирине. Матери брачевавшихся (обе носившие имя *Феодора*) приходились друг другу двоюродными сестрами, а отцы — двоюродными братьями. Соответственно Алексей и Ирина были троюродными братом и сестрой сразу по двум линиям. Согласно «Истории...» Никиты Хониата, сторонники этого брака утверждали, что родства между лицами, о бракосочетании которых шла речь, не существовало, ибо оба они были плодами незаконных связей, а такие отпрыски законами не признавались в родстве друг с другом. Однако их оппоненты, включая, по-видимому, самого патриарха, смотрели на дело иначе и считали нужным основываться не на законности некогда заключенных союзов, а на самом факте кровного родства (*Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина: в 2 т. Т. 1. Рязань, 2003. С. 273–274. Гл. XV*). Не исключено, что конфликт усугублялся еще и тем обстоятельством, что оба брачевавшихся были плодами не только незаконных, но и кровосмесительных связей, поскольку мать Алексея приходилась родной племянницей его отцу, императору Мануилу, а мать Ирины — двоюродной племянницей ее отцу, Андронику.

обыкновенным; и хотя церковь запрещала подобные браки, но императорам это разрешалось ради общественной пользы»¹⁰.

Таким образом, между постулируемой нормой и династической практикой в Византии по-прежнему допускался некоторый зазор. С другой стороны, были выработаны специальные механизмы, не позволявшие этому зазору чрезмерно увеличиваться. Так, в постановлении императора Мануила говорится о необходимости церковного наказания не только брачевавшихся, коль скоро им было известно о связывавшей их 7-й степени родства, не только священников, которые обвенчали столь близких родственников, но и тех, кто дали согласие и одобрили подобный брак. Как кажется, эта последняя деталь может оказаться немаловажной при рассмотрении интересующих нас русских событий.

Как же обстояло дело в династии Рюриковичей? Если судить по переводным славянским источникам, то в конце XII в. на Руси продолжало фигурировать более архаичное и более вольготное византийское правило, в соответствии с которым 7-я степень родства считалась пригодной для брака, тогда как 6-я отвергалась как недопустимая¹¹. Иначе говоря, когда в Византии брачные запреты ужесточились, и, наконец, в середине XII в. 7-я степень родства была объявлена невозможной для брака, русские князья не поддались этой тенденции и продолжали заключать матримониальные союзы между родственниками в 7-й степени, что называется, на глазах у митрополитов и епископов, прибывших из Константинополя.

Разумеется, здесь можно говорить о политической необходимости такого рода женитьб. Но при этом, как кажется, нужно отдавать себе отчет в двух вещах: во-первых, в династии бра-

¹⁰ *Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита / пер. под ред. И. Троицкого // Иоанн Киннам. Краткое обозрение царствования Иоанна и Мануила Комнинов; Георгий Акрополит. Летопись великого логофета Георгия Акрополита. Рязань, 2003. Гл. 50. С. 340.*

¹¹ О соответствующей норме, запрещавшей браки в 6-й степени, но дозволявшей в 7-й и 8-й, см.: РИБ. Т. VI. Стб. 143, № 14, § 1; *Бенешевич В.Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 196–201.

ки между ближайшими родственниками с политической точки зрения, как правило, выгодны чрезвычайно, и все же им положен предел, а во-вторых, мы зачастую воспринимаем браки исключительно как инструмент политики, иногда даже почти как некую этикетную надстройку, лишь венчающую политическую надстройку. Между тем мы имели возможность заметить выше, что для князей домонгольского времени браки — это и есть политика, одно настолько неотлично от другого, что зачастую невозможно сказать, что является целью, а что — средством.

Родовая традиция пронизана идеей повтора и подобия. Один из принципов действия родового начала в династии Рюриковичей очень условно можно охарактеризовать так: легитимно все то, что воспроизводит действия предков, мы поступаем так, потому что так поступали наши отцы и деды. Этот вывод кажется в высшей степени тривиальным, однако результаты воплощения такой стратегии порой оказываются весьма необычными. В самом деле, родовое начало, родовая стихия на первый взгляд ощущаются как нечто консервативное, заставляющее членов династии воспроизводить в меняющихся политических условиях некоторые архаические, монотонные и негибкие образцы. Однако это соответствует действительности лишь отчасти. Князья ориентировались не только на модели, заданные в далеком династическом и, может даже, додинастическом прошлом. В дробившемся и разраставшемся роду Рюриковичей весьма важным оказывалось прочерчивание локальных цепочек преемственности, характеризующих каждую отдельную семью или каждую конкретную родовую ветвь. Проще говоря, для князя — в качестве модели династического поведения — очень важны были действия его родного деда, отца или даже старшего брата, а не только более отдаленных родичей-предков, чьи образы скрепляли весь род в целом, чьи деяния принадлежали уже, так сказать, общеродовому фонду. Если же речь шла о браках, то здесь в сетку семейной преемственности могли попасть и действия старших родственников по женской линии.

Почему это важно? Какая разница, ориентировались ли князь или княгиня в своей брачной стратегии, например, исключи-

тельно на отдаленных предков или в первую очередь на своих родителей, если родовое начало вообще ориентировано на преемственность и воспроизводимость, если династический маршрут каждого князя в идеале должен просто повторять жизненную траекторию того, в честь кого он был назван? Дело в том, что на практике такая идиллическая картина, когда дети живут такой же жизнью, как их родители, когда право на власть на каждом этапе передается тому, кому следует, в соответствии с представлениями старшинства, когда кровные родственники и родственники по браку всегда действуют заодно под началом старшего из них, когда браки заключаются в полном соответствии как с династическими интересами, так и с церковными нормами, — подобная картина воплощается в жизнь не всегда. История Рюриковичей, как и история любой другой династии, вообще может быть составлена как перечень отступлений от чаемого порядка вещей.

Существенно, однако, что ориентация на собственные семейные образцы позволяла вовлечь в традицию некоторые из этих отклонений. Иначе говоря, действия, предпринятые ближайшими родичами под давлением обстоятельств или ради получения немедленных преимуществ, становились образцом семейного поведения, хотя заключали в себе зерно противоречия с общеродовыми обычаями.

Запрет на браки между троюродными и системный характер его нарушения

Итак, русские князья домонгольской поры были склонны соблюдать церковные запреты, накладывавшие существенные ограничения на браки между кровными родственниками. Данное утверждение, будучи верным в своей основе, вызывает к жизни сразу несколько вопросов и соответственно требует определенных оговорок.

Прежде всего, существовала некоторая неоднозначность в структуре самих запретов и ограничений. Известно, например, что во второй половине XII в., когда в матримониальной стратегии Рюриковичей особую роль приобрели внутрдинастические

браки, т.е. женитьба на представительницах собственного рода, византийская каноническая традиция последовательно проводила запрет на браки между лицами, состоявшими в 7-й степени родства. Запрет этот, напомним, так или иначе фигурировал в патриарших постановлениях уже в XI столетии, но отсутствовал в более древних законодательных памятниках, таких как «Эклога», «Прохирон» или «Василики», где недопустимыми считались лишь браки в 6-й степени родства.

Если же судить, основываясь на статистике русских внутрдинастических браков домонгольского времени, Рюриковичи, в духе древнего византийского законодательства, не считали 7-ю степень родства препятствием для брака; своеобразным порогом для них оказывалась, таким образом, 6-я степень. Вопрос о том, как, несмотря на присутствие на Руси греческих митрополитов и епископов, могло возникнуть такое различие между Киевом и Константинополем, чрезвычайно интересен сам по себе, но в данном случае значение его для нас второстепенно. Нас интересуют, скорее, факты нарушения реально существовавшей на Руси границы в области брачных отношений, т.е. отступления от запрета жениться на кровных родственниках в 6-й степени¹².

¹² Мы сознательно ограничиваем данное исследование рассмотрением браков внутрдинастических, т.е. тех, которые планировались в пределах Руси и осуществлялись при участии местного духовенства. Что же касается близкородственных междинастических браков, то они зачастую вызваны к жизни другими интересами и расчетами, не говоря уже о том, что механизмы их регуляции и санкционирования были устроены иначе и заведомо выходили за рамки собственно русской практики и юрисдикции Восточной церкви. Так, матримониальный союз между состоявшими в родстве Болеславом III и Сбыславой Святополковной потребовал, как известно, санкции не только краковского епископа Балдуина, но и папы Пасхалия II (Древняя Русь в свете зарубежных источников: хрестоматия: в 5 т. Т. IV: Западноевроп. источники / сост., пер. и коммент. А.В. Назаренко. М., 2010. С. 176–177), а состоявшееся почти полтора века спустя бракосочетание Василько Романовича с троюродной сестрой было дозволено специальной буллой папы Иннокентия IV (АИ. Т. 1: Выписки из Ватикан. тайного архива и из других рим. библиотек и архивов, с 1075 по 1584 год. СПб., 1841. С. 67, № LXXVI). Поэтому нам представ-

Количество этих отступлений, учитывая многочисленность и актуальность внутривидовых браков для русских князей, относительно невелико. Показательно, например, что в самых первых по времени эпизодах внутривидовых матримониальных союзов соответствующее брачное ограничение выдерживалось¹³. Князя как бы выжидали, когда различные ветви

ляется целесообразным вначале рассматривать междинастические и внутривидовые браки такого типа по отдельности и лишь затем переходить к их сопоставительному анализу. Данный подход оправдан еще и тем, что, как станет ясно из дальнейшего изложения, с точки зрения хронологии у Рюриковичей междинастические и внутривидовые браки между троюродными находятся в отношениях дополнительной дистрибуции: для второй половины XII в., на которую приходится большинство (если не все) союзов между троюродными внутри династии, столь близкородственные междинастические альянсы нехарактерны.

Скорее всего, сложные изменения в династической матримониальной стратегии не отрицают существования хотя бы некоторых общих принципов организации внутри- и междинастических браков, однако здесь необходим несколько иной уровень соположения доступных нам фактов. Многие в этой области было сделано в работах А.В. Назаренко (*Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых и политических связей IX–XII веков*. М., 2001. С. 559–584; *Древняя Русь и славяне: ист.-филол. исследования*. М., 2009. С. 127–146. (Древнейшие гос-ва Вост. Европы)).

¹³ Так, один из самых ранних межсемейных союзов Рюриковичей был заключен, по-видимому, между родственниками в 8-й степени — дочь Ярополка Изяславича и ее муж, Глеб Всеславич Минский, были праправнуками Владимира Святого по мужской линии. Что касается их матрилинейной генеалогии, то здесь, как это весьма нередко случается с русскими князьями, наши сведения куда более скудны и неопределенны. Матерью невесты была, судя по всему, Кунигунда, дочь майсенского маркграфа Оттона. О том же, кем была мать жениха, Глеба Всеславича, никаких данных в источниках не сохранилось; маловероятно, однако, чтобы она состояла в близком родстве с Кунигундой, делать же какие-то выводы о ее кровных связях с Рюриковичами не представляется возможным. Ничего не известно и о том, кем была бабка Глеба Всеславича по отцу — хотя она упомянута в летописи, ни имени, ни происхождения полоцкой княгини, родившей сына «от волхвования», мы не знаем. В свою очередь, бабкой невесты по отцу была, без всякого сомнения, польская принцесса Гертруда, дочь Мешко II. Таким образом, близкородственной связи Ярополковны и Глеба через женщин в источниках вроде бы не просматривает-

рода разойдутся достаточно далеко, чтобы можно было выбирать партнера для брака, соблюдая церковные правила. Трудности в этом отношении возникают не ранее 1117 г., а возможно, и гораздо позднее — именно тогда в брак вступают Агафья, дочь Владимира Мономаха, и некий князь по имени Всеволодко, которых часть исследователей считают троюродными братом и сестрой¹⁴.

Каждое подобное нарушение требует, по-видимому, самостоятельного анализа, который позволил бы определить, почему оно стало возможным. При этом особое внимание следует, как кажется, уделять наиболее ранним примерам отступлений от брачного права, поскольку мы знаем, что в династическом

ся. Более того, несмотря на ощутимые лакуны в наших сведениях на сей счет, мы можем признать эти связи крайне маловероятными, ибо они могли иметь место лишь в том случае, если Рюриковичи с самого начала не соблюдали никаких ограничений на близкородственные браки и женились на своих родственницах в 3-й и 4-й степени, что решительно не вписывается в известную нам картину их матримониальной стратегии XI в.

7-я (т.е. допустимая с точки зрения русского княжеского обихода) степень родства была между Ярославом Святополчицем, внуком Изяслава Ярославича, и его женой, дочерью Мстислава Великого, внучкой Владимира Мономаха, которые вступили в брак в 1112 г.: Ярослав был правнуком Ярослава Мудрого, тогда как Мстиславна — праправнучкой. При этом матерью Мстиславны была шведская принцесса Кристина (Христина), не состоявшая в ближайшем родстве с русскими князьями. Относительно происхождения матери Ярослава мнения исследователей расходятся. Возможно, Ярослав, подобно своему брату Мстиславу, был рожден от наложницы. Еще более вероятно, что его мать была законной женой Святополка, однако этот брак не был внутридинастическим, поскольку она была дочерью одного из европейских правителей, по предположению А.В. Назаренко (Древняя Русь на международных путях... С. 576), чешского князя Спытигнева II. Как бы то ни было, и в том и в другом случае едва ли можно обнаружить кровное родство матери Ярослава с Мономашичами. Аналогичным образом дело обстоит и с бабкой Ярослава Святополчича по линии отца, будь то Гертруда или неизвестная по имени наложница Изяслава Ярославича, — она не могла состоять в столь близком кровном родстве с Мономашичами, чтобы это послужило препятствием для женитьбы ее внука.

¹⁴ Подробнее об этом см. ниже.

обиходе русских князей особую роль играла ориентация на близкие семейные образцы. Необычный прецедент, возникший в силу специфических обстоятельств, в дальнейшем мог если не тиражироваться многократно, то, во всяком случае, служить оправданием для аналогичных действий, предпринятых уже в новых обстоятельствах людьми, принадлежавшими к следующим поколениям той же семьи.

Святослав Вщижский и Андреевна. В этом отношении для исследователей очень ценна история брака не самого заметного из русских князей домонгольской поры, Святослава Владимировича Вщижского, внука Давыда Святославича и правнука Святослава Ярославича. В Ипатьевской и Лаврентьевской летописях надежно зафиксирован брак этого князя с дочерью Андрея Боголюбского: «...тогда же Андрѣвну приведоша за Стослава . за Володимира <Х. володимирича, П. володимерича> въ Вщижь»¹⁵.

Владимир Давыдович, отец Святослава, состоял в браке с некой княжной, которая в летописи именуется *Всеволодковной*. Этот матримониальный союз был заключен, согласно летописям, в 1144/45 г.¹⁶ В 1151 г. Владимир погибает¹⁷, именно его вдова обозначается в источниках как мать Святослава, а поведение в конце 1150-х годов их сына, постоянно действовавшего заодно со своим дядей Изяславом (причем именно последний выбрал и сосватал за него невесту), как нельзя лучше соответствовало династическому облику осиротевшего юного князя 13–15 лет от роду. Таким образом, матерью вщижского князя могла быть исключительно интересующая нас Всеволодковна¹⁸.

¹⁵ ПСРЛ. Т. II. Стб. 509.

¹⁶ Там же. Стб. 317. Ср. также: Там же. Т. I. Стб. 350.

¹⁷ Там же. Стб. 334; т. II. Стб. 438.

¹⁸ Все эти оговорки необходимы потому, что, судя по предполагаемому возрасту Владимира Давыдовича, брак с Всеволодковной в 1144/45 г. мог быть для него не первым, хотя никаких данных о его предыдущих или последующих женитьбах в источниках не обнаруживается. Так или иначе, Святослав не мог быть рожден в предшествовавшем браке, так как в противном случае едва ли

В летописи специально подчеркивается, что эта Всеволодковна и ее сестра были внучками некоего Владимира: «...тои же зимѣ Всеволодъ ѿда двѣ Всеволодковнѣ . Володимери вноуцѣ . единою за Володимира за Двѣдвѣча . а другою за Ёрослалича . за Дюрда . шбѣ ѣдиной недѣлѣ»¹⁹.

У исследователей не возникало сомнений, что в данном случае имеется в виду не кто иной, как Владимир Мономах, причем наиболее убедительным выглядит общепринятое построение, согласно которому он был дедом этих княжон по материнской линии. Иначе говоря, дочь Владимира Мономаха Агафья, которую в 1117 г., согласно летописи, выдали замуж за Всеволодка²⁰, была матерью обеих Всеволодковен²¹. Коль скоро супруга Владимира Давыдовича приходилась внучкой Мономаху, то их сын,

вдова Владимира могла именоваться матерью Святослава, и уж тем более ее новый муж (подробнее о нем см. ниже) не мог бы называться отчимом молодого князя (ПСРЛ. Т. II. Стб. 501). В то же время весьма маловероятно, что между 1144/45 и 1151 гг. Владимир успел овдоветь, жениться вновь и обзавестись сыном, который уже в 1157 г. был настолько взрослым, что охранял Чернигов и не пускал туда своего могущественного родича Святослава Ольговича (Там же. Стб. 490). Таким образом, факт рождения Святослава от Всеволодковны можно считать не подлежащим сомнению.

¹⁹ Там же. Стб. 317.

²⁰ Там же. Стб. 284.

²¹ В свое время В.Н. Татищев предположил, что отцом этих двух княжон был новгородский и псковский князь Всеволод-Гавриил, сын Мстислава Великого (*Татищев В.Н. История Российская с самых древнейших времен: в 3 кн. Книга вторая. М., 1773. С. 278*), а к Агафье Владимировне они не имеют, таким образом, прямого отношения. Эта гипотеза помогает избежать ряда трудностей, связанных с последующими близкородственными браками ближайших потомков наших княжон (см. о них ниже), однако сама по себе она создает еще целый ряд терминологических и генеалогических проблем и противоречий, на наш взгляд, куда более неразрешимых. Упомянем сперва наименее существенные из них. 1. Обе невесты Всеволодковны оказываются не внучками, а правнучками Владимира Мономаха, однако такое терминологическое смещение (напомним, в летописи они названы *внуцѣ*), строго говоря, является допустимым для летописного узуса. 2. Именование Всеволода-Гавриила Мстиславича *Всеволодком* является необычным для летописной традиции, в то время как муж Агафьи назван в сообщении об их браке именно так.

наш Святослав Владимирович Вщижский, закономерным образом оказывается родным правнуком этого князя.

Однако правнучкой Мономаха вне всякого сомнения была и уже известная нам жена Святослава Вщижского, дочь Андрея Боголюбского, поскольку Андрей, сын Юрия Долгорукого, по отцовской линии был Мономаховым внуком (рис. 2). Таким образом, мы с большой степенью вероятности имеем дело с браком, заключенным между лицами, состоявшими в 6-й степени родства (между троюродными братом и сестрой)²².

Как такое могло случиться? Казус этот ценен для нас по двум причинам: во-первых, в источниках не только ясно зафиксирован данный брак, но и достаточно подробно изложены предшествовавшие ему события. Более того, во-вторых, события эти имеют отчетливый военно-политический характер, а связь между ними и устройством матримониального союза непосредственно проводится в самом тексте летописи. Это второе обстоятельство немаловажно, поскольку зачастую исследовате-

Куда более значимы, однако, неувязки генеалогического характера. Всеволод-Гавриил Мстиславич был женат на дочери Святослава Давыдовича Черниговского, который именуется в летописи его *тестем* (ПСРЛ. Т. III. С. 19, 203). Если бы наши княжны Всеволодовны были дочерьми Всеволода-Гавриила Мстиславича от данного союза, это означало бы, что Владимир Давыдович взял в жены свою внучатую племянницу, т.е. родственницу в 4-й степени, что для XII в. на Руси было бы беспрецедентным нарушением канона. Упоминание о женитьбе Всеволода-Гавриила в летописи находится под 1123 г. (Там же. С. 21, 205). Можно допустить, вслед за В.Н. Татищевым, что это был второй брак князя. Однако, не говоря уже о спорности подобной реконструкции, даже и в этом случае оказывается, что Владимира Давыдовича связывала бы с его супругой Всеволодовной 4-я степень свойства, что также является крайне редким для Рюриковичей нарушением канона.

Таким образом, отцовство Всеволода-Гавриила Мстиславича следует, не сбрасывая со счетов полностью, признать крайне маловероятным.

²² Разумеется, в 6-й степени родства состояли не только троюродные братья и сестры, но и, например, двоюродная внучатая племянница и кузен ее деда. Однако, если дело касается брачных отношений, наиболее частотна именно возможность союза между троюродными братом и сестрой. Именно такие браки и наблюдались у Рюриковичей в качестве отступления от церковных предписаний.

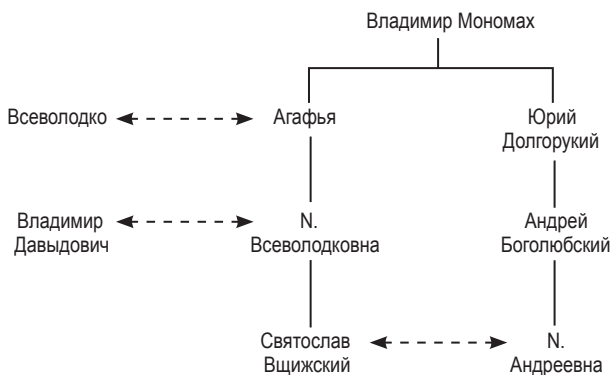

Рис. 2. Близкородственный брак Святослава Вщижского и дочери Андрея Боголюбского

ли склонны априори рассматривать княжеский брак исключительно как средство создания или скрепления военного союза и сталкиваются поэтому с необходимостью подбирать политические сюжеты под матримониальные факты или, наоборот, реконструировать тот или иной брак, основываясь на известиях о совместно предпринятых князьями военных действиях.

На наш взгляд, ближайшие военные задачи отнюдь не всегда являются целью и первопричиной внутрдинастического брака²³, однако в данном случае дело обстоит именно таким образом, причем речь идет не об отдаленных стратегических замыслах, а о немедленном разрешении уже существующей и нарастающей угрозы. Святослав Владимирович, будучи ближайшим и безусловным союзником своего дяди Изяслава Давыдовича (который накануне описываемых событий потерял киевский стол и не преуспел в попытке получить стол черниговский), оказывается осажден в своем городе Вщиже целой коалицией русских

²³ См.: Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Политические интересы vs. матримониальные возможности в династии Рюриковичей XI–XII вв. // Вост. Европа в древности и средневековье: Ранние гос-ва Европы и Азии: Проблемы политогенеза: XXIII Чтения памяти члена-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: материалы конф. Москва, 19–21 апр. 2011 г. М., 2011. С. 163–167.

князей — Ольговичами, соединившимися с Мономашичами. Изяслав спешит на помощь племяннику, в городе которого он лишь недавно сам находил пристанище, однако, чувствуя недостаток сил, посылает к князю Андрею Боголюбскому сватов, одновременно испрашивая у того как военной помощи для себя и племянника, так и дочь в жены последнему²⁴.

Андрей Боголюбский посылает помощь немедленно, отрядив к Святославу своего сына Изяслава «съ всимъ полком своимъ», дочь же отправляет во Вщиж позднее, когда осада была снята. Характерно, что в летописи Андрей упреждающим образом именуется *тестем* Святослава буквально с того момента, как стовор совершен и военная помощь выслана — Святослав приобретает как бы симметричную поддержку непрямого кровного родича (дяди) и ближайшего старшего свойственника (тестя)²⁵. Поддержка эта настолько сильна, что не потребовалось даже битвы: два Изяслава, Давыдович и Андреевич, не успели дойти до Вщижа, когда княжеская коалиция сняла осаду и отступила, как будто бы примирившись со Святославом.

Итак, представляется очевидным, зачем этот союз понадобился молодому Святославу Вщижскому — он избавлял князя от немедленной и вполне осязаемой военной опасности. Необходимость такого рода могла заставить его преступить канонические ограничения и решиться на брак с троюродной сестрой. Но что же в таком случае двигало Андреем Боголюбским, что заставляло его — вроде бы без особой на то необходимости — решиться на близкородственный союз?

²⁴ «Тои же зимы . ѿтудѣ иде на Смоленскую волость . Изяславъ и по- воевавъ . и тамо много зла створиша . Половци . вша дѣи боле тмы а инѣиа иськоша . . . Изяславъ же ѿтолѣ . посла къ Дюргевичю къ Андрѣевичю испроси оу него дщерь . за снѡвца своего за Стѡслава . и испроси оу него помочь» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 508). Ср.: Там же. Т. I. Стб. 350.

²⁵ «...и посла <Андрей Боголюбский. — А. Л., Ф. У> к нему с̄на своего Изяслава . съ всимъ полко^м своимъ . и Муромская помощь . с нимъ зане пришли баху Рускии к̄нзи на Стѡслава на Володимирича . и вступили баху въ Вщижи быашеть же с ними из города . вжидаа Изяслава стрѣа своего с помощью . и ѿтъ цте своего ѿ Андрѣа» (Там же. Т. II. Стб. 508–509).

Вопрос этот, учитывая особое внимание Андрея к церковным делам, не имеет однозначного ответа. Если говорить о ближайшей политической тактике князя, то, как видно из дальнейшего, она не была связана непосредственно с самим Святославом. В сиюминутной перспективе будущего тестя интересовал по преимуществу старший родич вщижского князя, с которым и велись переговоры о свадьбе, — претендовавший на Киев Изяслав Давыдович. Во всяком случае, именно с ним Андрей устраивает встречу на Волоке, одной из целей которой была договоренность о новгородском княжении. Свадьба, скорее, повод для этих переговоров, по крайней мере, устроив снем с Изяславом, Андрей вовсе не торопился вторично прийти на помощь к тому, кто стал его зятем. Княжеская коалиция, придя под Вщиж вторично, полностью преуспела в своих замыслах и помирилась со Святославом Владимировичем на том, что тот целует крест своему двоюродному дяде Святославу Ольговичу и отныне берет его «въ ѿца мѣсто»²⁶.

²⁶ ПСРЛ. Т. II. Стб. 509; ср. также: Там же. Т. I. Стб. 350. В историографии можно встретить точку зрения, согласно которой была всего одна осада Вщижа, а двукратный рассказ о ней в Ипатьевской летописи связан с тем, что описание этого события было позаимствовано сводчиком из двух разных источников (*Бережков Н.Г.* Хронология русского летописания. М., 1963. С. 332–333, примеч. 96 и 97). Предполагается, таким образом, что составитель Ипатьевского свода не опознал в этих двух эпизодах изображение одного и того же военного предприятия, однако такое допущение требует довольно сложных реконструктивных усилий и заметных перестановок при определении хронологической последовательности всех сопутствовавших событий — усилий, на наш взгляд, излишних. Мы полагаем, что в Ипатьевской летописи имеются два описания похода на Вщиж именно потому, что его осада предпринималась дважды при несколько различавшихся обстоятельствах и, что самое существенное, с различными результатами — в первом случае весть о приближавшихся войсках Боголюбского заставила коалицию заключить вынужденный мир и отступить, однако, дождавшись ухода Андреевой помощи, князь вновь взялся за осаду города и в конце концов заставили Святослава Владимировича принять их условия. Подчеркнем, тем не менее, что ни та ни другая трактовка событий под Вщижем не влияет принципиально на интерпретацию военно-политических причин и обстоятельств брака Святослава и дочери Андрея.

Характерно при этом, что Изяслав Давыдович и прежде состоял в свойстве с домом Юрия Долгорукого, так как в 1155/56 г. выдал дочь за сына Юрия (и соответственно брата Андрея Боголюбского), Глеба, и в истории этого брака мы имеем дело с настолько причудливым соотношением матримониальных и политических связей, что говорить о простой зависимости одного от другого, по-видимому, не приходится²⁷. Так или иначе, едва ли можно утверждать, что Андрей и Глеб в ту пору, когда осаждался Вщиж, действовали во всем заодно, достаточно отдаленное же свойство Изяслава и Андрея, скорее, могло служить лишь поводом для поиска союзнических отношений. Для дальнейших переговоров и взаимодействия потребовалось своего рода обновление и значительное усиление этого свойства.

Вместе с тем в перспективе более длительной для Андрея Боголюбского решающее значение могло иметь место его будущего зятя в родовой системе. В самом деле, наше восприятие Свято-

²⁷ В самом деле, Глеб Юрьевич помогал Изяславу Давыдовичу еще в ту пору, когда интересы Изяслава и Глебова отца, Юрия, были диаметрально противоположны. Именно из рук Изяслава Глеб, еще не будучи связан с ним узами свойства, получил княжеский стол в Переяславле (ПСРЛ. Т. II. Стб. 476). Лишь позднее, сидя в Киеве и стремясь примириться с Изяславом Давыдовичем, Юрий Долгорукий женил сравнительно недавно овдовевшего Глеба на дочери последнего (Там же. Стб. 482). Какие бы политические цели ни преследовались в устройстве этой свадьбы, она как будто не дает ощутимых результатов ни в ближней, ни в дальней перспективе: по свидетельству летописи, Изяслав очень скоро стал замышлять военный поход против своего свата Юрия (Там же. Стб. 488–489), и лишь смерть Долгорукого нарушила эти планы. Более того, парадоксальным образом брак этот как будто бы навсегда перекрывал канал для военно-политического сотрудничества между тестем и зятем, Изяславом и Глебом, оставляя, впрочем, место для собственно семейной поддержки. Так, Глеб не отказал в приюте теще, жене Изяслава Давыдовича: «кнагини же бѣжа к зати Глѣбови Переяславу . и ѡтудѣ ѡха на Городокъ . та на на Глѣбль . та на Хороборъ . та на Ропескъ» (Там же. Стб. 502), — однако он больше никоим образом не помогал тестю во всех перипетиях его борьбы за Киев с потомками Мстислава Великого, не присоединившись при этом и к его противникам. В определенный момент Изяслав почти насильно потребовал от него содействия в военном походе, специально для этого подступив к Переяславу, но и тогда Глеб отказал ему (Там же. Стб. 514).

слава Вщижского во многом детерминировано тем, что он умер рано²⁸, в сущности, мало успев самостоятельно проявить себя на политической сцене. Между тем на рубеже 1150–1160-х годов его будущность могла представляться в совершенно ином свете. Он был не только единственным племянником князя, несколько раз занимавшего киевский стол, но и вообще единственным наследником всей ветви князей Давыдовичей, потомков Давыда Святославича, которые были старше Ольговичей по изначальному родовому счету. Таким образом, в будущем в нем можно было видеть одного из серьезных претендентов как на династическое старшинство, так и на киевский стол. Не исключено, что, помимо ближайшей военной тактики, Андрей Боголюбский имел в виду и дальнюю стратегию родства с этим последним представителем дома Давыдова²⁹.

²⁸ ПСРЛ. Т. II. Стб. 525, под 6675 г.

²⁹ Возможно, что несколько позднее, когда расстановка сил изменилась (не в пользу линии Давыда), Андрей Боголюбский счел нужным породниться и с линией Ольговичей, хотя бесспорными данными на сей счет мы не располагаем. Во всяком случае, в Ипатьевской летописи под 6675 г. обнаруживается следующее сообщение: «Том же лѣ̑ оумре Андрѣвна . за Шлгомъ за Стославиче̑» (Там же. Стб. 527). В работах по генеалогии Рюриковичей этот брак иногда игнорируется (*Baumgarten N. Généalogies et mariages occidentaux des Rurikides russes du Xe au XIIIe siècle. Roma, 1927. (Orientalia Christiana; vol. 9; no. 35)*), а иногда упоминается очень коротко с различной персональной атрибуцией его участников и, как правило, без какой-либо аргументации в пользу той или иной версии их идентификации. Очевидно, что упомянутый здесь Олег Святославич — это сын Святослава Всеволодича и внук Всеволода Ольговича, хотя иногда муж этой Андреевны ошибочно отождествляется с другим Олегом Святославичем, сыном Святослава Ольговича и внуком Олега Святославича (*Донской Д.В. Рюриковичи: Исторический словарь. М., 2008. С. 501, № 314; с. 516, № 342*). Однако этот последний Олег был в ту же пору женат на Агафье Ростиславне (ПСРЛ. Т. II. Стб. 524–525, 528) и, таким образом, не мог быть мужем Андреевны.

Кем же была Андреевна? Список кандидатов на роль ее отца достаточно ограничен: она могла быть дочерью или Андрея Боголюбского, или его дяди, Андрея Владимировича Доброго, причем первое куда более вероятно, чем второе. В самом деле, ее муж, Олег Святославич, сын Святослава Всеволодича, появился на свет не ранее 1144 г. (его отец женился в 1143 г., см.:

Судя по всему, отправляясь на киевский стол после смерти Юрия Долгорукого, Изяслав Давыдович собирался закрепить за племянником черниговское княжение: он оставил Святослава в Чернигове, где прежде — к неудовольствию Ольговичей — княжил его отец, Владимир Давыдович. Разумеется, в отличие от своего отца, Святослав не имел преимуществ в родовом счете по отношению к своему двоюродному дяде Святославу Ольговичу и потому после переговоров вынужден был до поры оставить Чернигов, но династическая заявка на старшинство в своем поколении была, таким образом, уже сделана³⁰. В пользу высокого потенциала Святослава Вщижского в родовой иерархии свидетельствует, на наш взгляд, и последующее настойчивое стремление представительной княжеской коалиции не вытеснить его из Вщижа, но прежде всего добиться от него признания зависимости от Святослава Ольговича — называя отцом не родного, а двоюродного дядю, вщижский князь предстал бы уже не как единственный наследник Давыдовичей, а лишь как один из весьма многочисленных представителей младшей линии Ольговичей, он как бы наперед отрекся тем самым от старшинства

Там же. Т. I. Стб. 310; т. II. Стб. 313), а скорее даже несколько позднее, если Владимир Святославич (как традиционно полагают исследователи) был его старшим братом. Иными словами, он не слишком отличался по возрасту от своего родича, Святослава Вщижского. Соответственно одна из дочерей Боголюбского подходила Олегу и по годам, и по счету поколений, и по соображениям родства и свойства — они были родственниками лишь в 7-й степени, что не противоречило княжеским брачным обычаям, да и свойство между ними было в ту пору достаточно отдаленным. Если же предположить, что женой Олега Святославича была дочь Андрея Доброго, это потребует от нас слишком многих допущений. Во-первых, это был бы еще один брак между родственниками в 6-й степени; во-вторых, чтобы не быть намного старше своего предполагаемого мужа, она должна была бы появиться на свет непосредственно в год смерти своего отца или даже после его кончины в 1142 г. Помимо всего прочего, дочь Андрея Доброго по общеродовому счету оказалась бы на поколение старше своего предполагаемого жениха. Таким образом, тестем Олега Святославича, сына Святослава Всеволодича, был, скорее всего, именно Андрей Боголюбский.

³⁰ Там же. Стб. 490.

среди потомков основателя черниговской ветви Рюриковичей, Святослава, сына Ярослава Мудрого.

Несколько упрощая дело, можно сказать, что важнейшая цель женитьбы Святослава заключалась в том, чтобы избежать такого рода понижения династического статуса. При этом следует принять во внимание, что Боголюбский к 1159/60 г. отнюдь не имел еще тех возможностей манипулировать чужими княжескими столами и позициями в родовой иерархии, каковые он демонстрирует десятилетие спустя, и соответственно в большей мере нуждался в свойственниках, легитимно претендовавших на верховную власть. Как мы помним, все эти надежды не оправдались, и Святослав не только не успел заявить претензий на киевский или даже черниговский стол, но скончался, по-видимому, не оставив мужского потомства. Характерно, однако, что в известии об этом событии летописец находит нужным упомянуть, что князь был внуком Давыда³¹, подчеркивая тем самым то обстоятельство, что более прямых наследников в этой линии не оставалось, и племя Давыдовичей, игравшее столь значительную роль в первой половине столетия, окончательно сошло со сцены.

Итак, постепенно перед нами вырисовываются тактические и стратегические причины этого матримониального союза между родственниками в 6-й степени, и соответственно яснее становится династический облик князя, который мог заключить столь уязвимый с канонической точки зрения брак. Как кажется, в этом династическом облике — помимо черт уникальных или сиюминутных — можно найти и черты, так сказать, типические, позволяющие понять, как и почему в домонгольской Руси заключались и другие княжеские браки подобного рода.

Оговоримся, впрочем, сразу же, что ни одна из таких типических черт не является обязательной и не обладает безусловной объяснительной силой. Тем не менее, на наш взгляд, представля-

³¹ Этим сообщением открывается летописная статья в Ипатьевском своде под 6675 г.: «Оумре Стославъ Володимиричь . въ Вщижи внукъ Двдвъ» (ПСРЛ. Т. II. Стб. 525).

ется немаловажным, например, что Святослав Вщижский рано осиротел и при этом оказался главным наследником своего отца (он был, как уже говорилось, еще и единственным наследником целой родовой ветви, но это обстоятельство скорее принадлежит к числу уникальных параметров именно данной матримониальной ситуации).

Существенно также и не совсем обычное положение матери Святослава, которая отнюдь не является пассивным наблюдателем в судьбе своего сына, однако едва ли имеет возможность принимать непосредственное участие в обустройстве его свадьбы, поскольку она не только не осталась жить при нем (как это нередко случалось с овдовевшими княгинями), но и, вопреки обычной практике, вышла замуж вторично, причем брак этот решительным образом выводил ее из привычного церковно-семейного обихода Рюриковичей — вторым мужем княгини стал половецкий хан Башкорд³². Не будь этого обстоятельства и при

³² «приде же Изаславу болши помочь к Бѣлугороду приде бо к нему Башкордъ въ к̄ . тысячъ ѿчи^м Мьславль <sic! Переправлено въ мьстиславль: сти приписано надъ строкой>. Володимирича . бѣ бо мѣи его бѣжала в Половци . и шла за нь» (Там же. Стб. 500–501). Правильное написание имени князя («вотчим Святославль Володимирича») см.: Там же. Т. XXV. С. 65.

Русский князь домонгольского времени не мог жениться на вдове другого русского князя, и потому овдовевшая княгиня, побывавшая замужем за кем-либо из Рюриковичей, вынуждена была оставаться вдовой или выходить замуж за пределами Руси, за представителей иных знатных родов (Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Траектории традиции: Главы из истории династии и церкви на Руси конца XI — начала XIII века. М., 2010. С. 48–55; Они же. Знатная вдова в средневековой Скандинавии и на Руси: Матримониальные стратегии и легенды власти // Предания и мифы о происхождении власти эпохи Средневековья и раннего Нового времени: материалы конф. М., 2010. С. 78–82. (Славяне и их соседи: XXV Конф. памяти В.Д. Королюка)). Чаще такое случалось с иностранками, однако вдова Владимира Давыдовича, как мы постарались продемонстрировать выше, была урожденной Рюриковной, и именно в этом отношении ее случай является уникальным подтверждением общего матримониального правила. Прежде всего весьма характерно, что указание на брак в летописи строится с помощью глагола «бѣжала» — по-видимому, на Руси просто не существовало механизма выдачи вдовы Рюриковича замуж, единственным способом осуществления этой процедуры был уход, бегство.

более мирном течение дел, Всеволодковна, внучка Владимира Мономаха, которая, как никто другой, могла быть осведомлена о своем родстве с Андреем Боголюбским и его потомками, принимала бы куда более непосредственное участие в свадебном створе своего сына. Роль посредника в сватовстве с большой вероятностью играл бы и кто-то из ее кровных родственников-мужчин³³, но как в силу ее необычного повторного брака, так

Вместе с тем для нас не менее любопытно, что княгиня и ее новый муж явно сохранили самые тесные контакты с оставшимся на Руси сыном Всеволодковны от первого брака — Башкорд именуется *отчимом* Святослава, что, вообще говоря, является своеобразным гапаксом, так как это единственный случай употребления данного термина свойствá применительно к князю домонгольской поры в древнейших русских летописях. Что еще более удивительно, весьма тесные союзнические отношения связывали половецкого хана с бывшим деверем его новой жены, дядей Святослава Владимировича Изяславом. Дядя и племянник действовали заодно, но главенствующая роль, разумеется, принадлежала Изяславу и, как видно из приведенного свидетельства, именно ему приводит на помощь свои войска хан Башкорд. Изяславу Давыдовичу в этом случае (как и много раз прежде) помогала и другая, независимая группа половцев (ПСРЛ. Т. II. Стб. 500); вообще говоря, нам представляется весьма вероятным, что он был женат на половецке, однако это тема отдельного разыскания.

Так или иначе, неправдоподобным в этом свете выглядит допущение Д. Домбровского, согласно которому интересующая нас Всеволодковна могла бежать к половцам и от живого мужа, князя Владимира Давыдовича (*Dąbrowski D. Przyczyny i okolczności rozpadu książęcych małżeństw na Rusi w XII–XIII w. // Kwartalnik Historii Kultury Materialnej. 2010. Nr. 3–4. S. 362–363*). Невозможно вообразить, чтобы после такого скандального бегства Башкорд и Изяслав, брат оставленного супруга, поддерживали столь близкие дружественные связи. Кроме того, в данном допущении нет решительно никакой нужды и с точки зрения хронологии: Владимир Давыдович, как мы помним, погиб в 1151 г., тогда как упоминание о браке его вдовы с Башкордом отстоит от этого события приблизительно на 7 лет.

³³ Те примеры, когда в летописи мы имеем дело с более подробным описанием сватовства и брака, дают возможность увидеть, что в этой многоступенчатой процедуре задействовалась едва ли не целая система семейных связей, в которую вовлекались кровные родственники и свойственники с обеих сторон. Так, например, в свое время сватом со стороны князя Рюрика Ростиславича, задумавшего женить своего сына Ростислава на дочери Всеволода Большое Гнездо, выступил шурин Рюрика, т.е. брат его жены туровский

и благодаря молниеносно развертывавшейся картине военных действий эта сторона блюстителей генеалогической традиции оказывается как бы выведенной из игры и, следовательно, не может нести ответственность за несоблюдение брачных правил.

Разумеется, главными, кто должен был следить за соблюдением канона, были не сами князья, но венчавшие их духовные лица. Однако и здесь Святослав Вщижский волею судеб попадает в некоторый вакуум. Сватовство затеял, как мы помним, его дядя Изяслав Давыдович, прежде не только обладавший черниговским столом, но и успевший посидеть на столе киевском. В более благополучные времена каноническая регуляция такого брака должна была исходить от высших духовных иерархов, будь то киевский митрополит или черниговский епископ. Однако возможность участия кого-либо из них заметно осложнялась не только военными действиями и осадой Вщижа (не говоря уже о крайне неопределенных на тот момент властных привилегиях Изяслава), но и тем, что Русь в тот момент переживала финальный этап церковной смуты — только что скончался в Чернигове неугодный могущественному Мстиславу Изяславичу митрополит Константин, жил и здравствовал некогда смещенный со своей кафедры митрополит Климент Смолятич, а из Константинополя еще не успел прибыть на Русь новый митрополит Феодор, поставленный благодаря компромиссу между князьями, достигнутому еще при живом Константине³⁴. Черниговский же епископ Антоний, грек по происхождению, впоследствии принимавший весьма деятельное участие в родовом конфликте Ольговичей³⁵, по всей видимости, не мог принять

князь Глеб Юрьевич (ПСРЛ. Т. II. Стб. 658). Свадебный же поезд Верхуславы Всеволодовны возглавили сын не названной по имени сестры Всеволода Яков со своей женой (Там же). Изяслав Мстиславич, взявший жену «изъ Wбезъ», отправил старшего сына Мстислава встречать будущую мачеху (Там же. Т. I. Стб. 341; т. II. Стб. 468).

³⁴ О княжеском решении просить Константинополь о присылке нового митрополита см.: Там же. Т. II. Стб. 503–504, о кончине Константина см.: Там же. Т. I. Стб. 349, а о прибытии митрополита Феодора см.: Там же. Стб. 514–515.

³⁵ См.: Там же. Стб. 522–523.

участия в свадьбе Изяславова племянника после только что предпринятой Изяславом неудачной осады Чернигова. Скорее всего, венчать Святослава пришлось местному вщижскому духовенству или, что тоже вполне вероятно, он венчался «съ своими попы», как некогда поступил его родич, тезка и теперешний недруг Святослав Ольгович. Как мы знаем из описания женитьбы этого старшего из Святославов, такие священники могли согласиться на то, чего не желал терпеть и признавать епископ³⁶.

В этой ситуации в целом важна, как кажется, специфическая расстановка акцентов. Мы не хотели бы утверждать, например, что мать Святослава Владимировича ничего не знала о браке сына или что духовенство, находившееся во Вщиже, не было осведомлено о запрете на союз между троюродными братом и сестрой. Мы лишь стремимся продемонстрировать, что вся совокупность семейных, церковных и политических обстоятельств этого брака сложилась так, что стимулы для данного союза были очень велики, а барьеры — весьма ослаблены.

Иначе говоря, более чем наглядные и конкретные военно-политические выгоды интересующего нас брака дают нам возможность прояснить как некоторые специфические черты династического облика князя, вступавшего в брак, весьма сомнительный с точки зрения канона, так и параметры более общей ситуации. Династический потенциал жениха был весьма высок, при этом его положение отчасти дефектно с точки зрения нормального осуществления родовой традиции: отца его нет в живых, а мать в известном смысле выведена из родового контекста, сам же брак был заключен на пике общединастического раздора и на фоне вопиющих сбоев ритма церковно-канонической жизни Руси.

³⁶ Мы можем лишь гадать о том, каковы были причины отказа новгородского архиепископа Нифонта венчать князя Святослава, но зато располагаем точными сведениями и о самом отказе, и о том, каким образом князь пренебрег этим запретом: «В то же лѣто оженися Святославъ Олговиць в Новѣгородѣ, и вѣнцася съ своими попы у святого Николы; а владыка Нифонтъ его не вѣнца, ни попомъ, ни чернцмъ не да на свадьбу ити, глаголя: ‘не достоить ти ея поняти’» (ПСРЛ. Т. III. С. 209).

Авторский коллектив

Михаил Анатольевич Бойцов — д.и.н., ординарный профессор НИУ ВШЭ, профессор Школы исторических наук, заведующий Научно-учебной лабораторией медиевистических исследований НИУ ВШЭ.

Андрей Юрьевич Виноградов — к.и.н., доцент Школы исторических наук, с.н.с. Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ.

Олег Сергеевич Воскобойников — к.и.н., ординарный профессор НИУ ВШЭ, доцент Школы исторических наук, с.н.с. Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ.

Михаил Владимирович Дмитриев — д.и.н., профессор Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в.н.с. Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ.

Анна Феликсовна Литвина — к.ф.н., доцент Школы филологии, в.н.с. Лаборатории лингвосомиотических исследований НИУ ВШЭ.

Федор Борисович Успенский — д.ф.н., зам. директора Института славяноведения РАН, в.н.с. Научно-учебной лаборатории медиевистических исследований НИУ ВШЭ.

Антонина Владимировна Шарова — к.и.н., доцент Школы исторических наук НИУ ВШЭ.

Научное издание

Средневековая Европа: Восток и Запад

Зав. редакцией *Е.А. Бережнова*
Редактор *О.А. Шестопалова*
Художественный редактор *А.М. Павлов*
Компьютерная верстка и графика: *С.В. Родионова*
Корректор *О.А. Шестопалова*

На обложке — фотографии *О.С. Воскобойникова*

Подписано в печать 10.12.2014. Формат 60×90/16
Гарнитура Minion. Усл. печ. л. 26,00. Уч.-изд. л. 20,9
Тираж 300 экз. Изд. № 1820

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Тел./факс: (499) 611-15-52

ISBN 978-5-7598-1229-6

9 785759 812296